

Ночь была тёмной и тяжёлой, на улицах почти не было людей и машин. В глазах Цао Е Пекин в это время суток был наиболее привлекателен: спокойные дороги, пустынные улицы. Город показывал своё истинное лицо: величественное, чуть надменное и возвышенное.

Некоторое время Цао Е бесцельно бродил по улицам. Машину он оставил около «Су Сао» — завтра водитель заберёт её. Наконец оглядевшись, он понял, что ноги приняли решение за него — он шёл в сторону улицы Иньсы. На этой узкой улочке у него был бар. С открытия прошло три года, но прибыли не было видно — до сегодняшнего дня бар приносил одни убытки. Цао Е не удивлялся: не стоило ждать прибыли от заведения, спрятанного в подвальчике глухого переулка, изломанного множеством причудливых поворотом. Выбирая такое место, он и не рассчитывал, что бар станет популярным.

Хуан Ин, менеджер бара, два года назад ещё переживала из-за маленькой выручки, но когда поняла, что Цао Е это не волнует, позволила бару развиваться буйно и беззаботно, как и хотел Цао Е. Вопреки ожиданиям, после того, как Хуан Ин полностью отпустила ситуацию и позволила ему терять столько денег, сколько он хотел, бар приобрёл определённую привлекательность. Мрачные, замкнутые личности со склонностью к саморазрушению, кинематографисты и студенты-режиссёры, одержимые независимым кино, полюбили это место. Неожиданно, бар Цао Е стал приносить не такие большие убытки, как раньше.

С момента его последнего визита прошло много времени — стоит зайти. До улицы Иньсы оставалось меньше двух километров. Цао Е шёл неторопливо, на дорогу ушло около получаса. В конце узкой улицы сияла вывеска с огненной надписью «Жар». Случайный человек, увидев её, был бы сбит с толку: вход в бар можно было заметить только подойдя вплотную. Чтобы попасть внутрь, нужно было спуститься по узкой, тёмной винтовой лестнице. По выражению Хуан Ин, эта лестница была достаточно длинной, чтобы заставить человека задуматься о смысле жизни. Студенты-режиссёры говорили, что лестница чертовски хороша для съёмки длинных планов.

Цао Е услышал доносящуюся из подвальчика музыку: кто-то пел «Кусок красной ткани» Цуй Цзяня:

— Это чувство делает меня по-настоящему счастливым.

Оно заставило меня забыть, что у меня нет дома

Ты спрашиваешь, куда я направляюсь

Я говорю, что пойду твоей дорогой [1].

[1] Цуй Цзянь — китайский рок-музыкант. Упомянутая песня содержит политический подтекст, он исполнял её с красной повязкой на глазах. Его концертный тур запретили из-за этой песни. Послушать песню и посмотреть исполнение:
<https://www.youtube.com/watch?v=l8UPST1ZKSw>

Цао Е смутно разобрал слова песни. Она была очень старой, но вещи, обладающие достаточной силой и смыслом, всегда актуальны. Он достал телефон и набрал Хуан Ин. Гудки шли, но никто не брал трубку — видимо, она была занята. Цао Е открыл их с Хуан Ин переписку и отправил сообщение: «Ключи». Вернул телефон в карман, нашёл на обочине длинную деревянную скамейку, сел на неё, откинувшись на спинку, запрокинул голову и закрыл глаза. Он прислушивался к неясной мелодии, доносящейся из-под земли.

— Хуан Ин-цзе, выпей ещё одну.

— Нет-нет, я больше не буду пить, — Хуан Ин увидев сообщение, написанное полчаса назад, спрыгнула с барного стула и сказала: — Меня ищет босс. Я должна уйти, а вы веселитесь.

— Президент Цао здесь? — люди за столом одновременно посмотрели на неё.

— Да. У тебя же есть ключи от «Утопии»? Дай их мне. Снова понадобятся — скажешь.

— Они у меня, — парень достал ключи из кармана, встал и передал их Хуан Инь через стол. — Почему президент Цао приехал сегодня так поздно?

— Откуда мне знать? — Хуан Ин взяла ключи.

— Может, не спится из-за «Рокового выбора»? — усмехнулся парень, сидящий напротив неё. Студенты за столом дружно засмеялись, а девушка, сидящая рядом с ним, шлёпнула его по руке.

— Не накаркай.

Хуан Ин услышала смех и разговоры уже у лестницы. Обернувшись, она с улыбкой сказала:

— Лучше займитесь своими фильмами, — и побежала вверх по лестнице, прыгая через две ступеньки и касаясь рукой неровных стен.

На улице мир был совершенно другим: тихим и спокойным, в отличие от шумной атмосферы бара. Хуан Ин глубоко вдохнула и вышла на улицу. Она сразу увидела Цао Е — он спал на длинной деревянной скамье, запрокинув голову. На другом конце скамьи спал бродяга — так же крепко, как Цао Е. Картина маслом! Хуан Ин не могла удержаться от смеха и остановилась в двух метрах от него, любуясь кадром: в тусклом свете уличных фонарей лощёный плейбой спал на одной скамейке с бездомным оборванцем. Они даже спали в одинаковой позе: ноги врозь, скрещённые руки уложены чуть выше живота, голова откинута на спинку скамейки. В этой картине была странная гармония.

Хуан Ин, тихонько смеясь, подняла телефон, направила камеру на них и нажала на кнопку. От вспышки Цао Е чуть нахмурился, прикрыл глаза рукой и хриплым спросонья голосом осведомился:

— Что ты делаешь?

Хуан Ин мгновенно поднесла указательный палец к губам, указала на бродягу рядом с ним и прошептала:

— Не мешай другим видеть прекрасные сны!

— Тогда почему ты потревожила мои? — раздражённо спросил Цао Е, но голос всё-таки понизил. Он встал со скамьи и посмотрел на часы.

— Ты только увидела моё сообщение? Ты так занята сегодня?

— Группа студентов, снимающих «Мандалу», сегодня закончила съёмки. Они всё время тянули меня выпить с ними, — Хуан Ин, шагая рядом с ним к железной двери в нескольких метрах, нажала кнопку на брелоке. Ворота медленно поползли вверх и остановились, поднявшись примерно на метр.

— Сломались: на днях тут была съёмка, и ворота случайно задела машиной, — Хуан Ин подошла, присела и с усилием попыталась вразумить заевший механизм. Её голос от напряжения немного изменился: — Автоматические стали полуавтоматическими.

— Давай я, — Цао Е наклонился, провёл ладонями по нижнему краю ворот и поднял их. Распрямляясь, он стряхнул пыль с ладоней. — Почему не сказала мне? Я бы прислал кого-нибудь, чтобы починить их.

— Да ладно, как будто ты мне нужен для такой мелочи, — Хуан Ин усмехнулась и пошла следом за ним. — Я уже вызвала мастера по ремонту, он придёт через пару дней... Кстати, почему ты посреди ночи вспомнил про «Утопию»? Не спится из-за последнего фильма?

— Ты права, — Цао Е не дожидаясь, когда его проведут, направился к маленькому кинозалу в глубине помещения, открыл дверь и вошёл. — Я скоро облысею от стресса.

— Ты серьёзно? — Хуан Ин стала на цыпочки, делая вид, что разглядывает его макушку. — Не заметно... Но говорят Лян Сычжэ может согласиться на пересъёмки?

— Веришь слухам? — спросил Цао Е с притворным равнодушием.

Он нажал на выключатель на стене, включив верхний свет в комнате. Перед несколькими рядами кресел стоял квадратный стол. На нём в беспорядке лежали десятки дисков Blu-ray. Цао Е бегло просматривал их: «Красный мужчина, красная женщина», «Тринадцать дней», «Дикая природа», «Река Ванчуань», «Ветер перемен», «Сны о любви и судьбе». Взял один и посмотрел на обложку.

— Неужели эти студенты — фанаты Лян Сычжэ?

— Конечно. Они его очень любят, — рассмеялась Хуан Ин, — от режиссёра до оператора, от актёра до гримёра, как только заходит речь о Лян Сычжэ, они могут часами говорить, без остановки...

— Это те, кто снимал «Мандалу»?

— Да. Самое смешное, что они каким-то образом нашли парня, очень похожего на Лян Сычжэ десятилетней давности!

— Что за бред? — не понимая, Цао Е поднял глаза и посмотрел на Хуан Ин.

— Они нашли мальчика, который выглядит так же, как Лян Сычжэ десять лет назад. Но он похож только внешне: его актёрская игра, подача реплик и характер слишком отличаются. Они дали этому мальчику самую важную эпизодическую роль и засунули чуть ли не в каждый случайный кадр, сказав, что используют эту возможность, чтобы выразить дань уважения Лян Сычжэ!

Цао Е с недоумением смотрел на неё. Хуан Ин со смехом достала телефон и пролистала галерею, чтобы показать ему фото.

— Не веришь? Смотри, похож?

— Где именно он похож на Лян Сычжэ? — взяв телефон, Цао Е посмотрел на экран и нахмурился: он действительно не мог понять, в чём сходство.

— Ну он же просто похож, нельзя ожидать, что он будет точной копией! — Хуан Ин подошла поближе и взглянула на фотографию.

— Они совсем не похожи, — Цао Е, потеряв интерес, вернул телефон Хуан Ин.

— Если бы они были похожи как две капли воды, это было бы слишком! Лицо Лян Сычжэ очень дорого стоит.

Цао Е не ответил. Он сел перед экраном и взял мышку, намереваясь посмотреть какой-нибудь фильм на сон грядущий. Трудлюбивая и прилежная Хуан Ин, которой было невыносимо видеть беспорядок на столе, разложила диски в футляры и спросила Цао Е:

— Лян Сычжэ поможет тебе с «Роковым выбором»? У вас ведь были такие хорошие отношения.

— Кто знает... — Цао Е смотрел на экран, — ...почему на этом компьютере нет ни одного фильма?

— А, да. Несколько дней назад этот компьютер подхватил вирус, и нам пришлось переустанавливать систему. Позже я запишу фильмы для тебя, но сегодня вечером тебе придётся выбирать из того, что есть на этих дисках.

— Вирус? — Цао Е посмотрел на неё, на его лице снова появилось недоумение. — Этот компьютер не подключён к интернету.

— Это была не сетевая атака, — Хуан Ин тоже выглядела расстроенной. — У кого-то из студентов вирус был на жестком диске.

— Хорошо. Значит, вирус... — Цао Е размял точку между бровей. — Это слишком безответственно. Попрошу поменять компьютер.

Он вернулся к столу и вскоре снова разбросал диски, которые только что сложила Хуан Инь. Он хотел найти фильм, где не снимался Лян Сычжэ. Перебрал всё, но на каждой коробке видел три иероглифа «Лян Сычжэ».

— Почему здесь только фильмы с участием Лян Сычжэ?

— Диски принесли сюда его фанаты. Не хочешь на него смотреть?

Цао Е тут же нашёл отговорку:

— Когда его вижу, вспоминаю про «Роковой выбор», который ещё нужно доснять. Думаешь, я смогу после этого уснуть?

— О... В этом фильме нет Лян Сычжэ, — Хуан Ин протянула Цао Е диск. Не успел он заговорить, как Хуан Ин быстро добавила, — но режиссёром был Лян Сычжэ!

Цао Е взглянул на обложку диска — и застыл. Он знал этот фильм. После того как Лян Сычжэ получил награду за лучшую мужскую роль на Каннском кинофестивале, все ждали, что он вернётся в Китай и покажет своё актёрский талант в полном блеске. Но Лян Сычжэ отверг все предложения и с головой окунулся в работу по ту сторону камеры. Спустя два года он выпустил фильм, который не получил ни громких отзывов, ни огромных кассовых сборов. Это был фильм «Сны о любви и судьбе».

— Кроме этого фильма, похоже, у тебя нет другого выбора.

— Тогда пусть будет он, — Цао Е взял его, подошёл к системе управления, вставил диск и нажал «Play».

На экране появился значок разрешения на публичную демонстрацию, и Цао Е сел на ближайшее к экрану место. Нашупал кнопку на подлокотнике кресла, опустил спинку до удобного положения, откинулся и полулёжа посмотрел на экран. Кресло было широким и мягким, очень комфортным. В нём можно было заснуть.

— Я пойду, — Хуан Ин направилась к двери, её рука легла на выключатель. — Выключить свет?

Цао Е хмыкнул в знак согласия. Как только дверь закрылась, начался фильм. Камера отъехала, вдали показались два размытых силуэта, певших в полный голос дуэтом:

— Если твой брат Лян ещё не женат, младший брат поможет тебе найти невесту...

— Младший брат поможет мне найти невесту, но кто же эта прелестница?

Они пели пьесу из оперы Юэ «Влюбленные-бабочки» [2].

[2] см. в конце главы.

Внизу экрана постепенно появлялись титры:

Продюсеры: Лян Сычжэ, Сю Юньчу

Исполнительный продюсер: Бай Минцзэ

Режиссёр: Лян Сычжэ

В ролях: Сю Сяохан, Цяо Жуй

.....

Камера медленно приблизилась, из размытой картинке изображение стало чётким. Сцена, далёкая, но светлая и просторная, теперь была вся видна в квадратном экране телевизора. Камера сменила ракурс. Женщина лет сорока присела перед телевизором с пультом в руке, замороженно глядя на экран.

— Мама... — раздался из-за кадра голос молодой девушки. — Ты постирала платье, которое я купила вчера? Мама...

— Ах...— женщина вернулась к реальности. Она выглядела взволнованной, но быстро справилась с собой. Опустив голову, нажала кнопку питания на пульте и выключила телевизор.
— Иду, иду...

В технике переходов и съёмочных приёмах чувствовался стиль Цао Сююаня, так что Цао Е никак не мог сосредоточиться на сюжете — впрочем, сюжет тоже был невыразительный, наполненный мелкими ненужными деталями, которые вызывали лишь раздражение. Скучный, неторопливый ритм навевал сонливость. Неудивительно, что фильм провалился в прокате. Где современному зрителю найти терпение для просмотра подобного фильма?

Цао Е склонил голову набок, прислонился к спинке кожаного кресла, его веки опустились. Он перестал смотреть на экран, чуть съехал вниз, устраиваясь поудобнее, и заставил себя заснуть. Мирные звуки фильма отлично вписывались в наступающую дремоту. Сонливость медленным приливом охватывала нервные окончания, сон окутывал Цао Е со всех сторон. Маленькая закрытая комната кинотеатра внезапно превратилась в открытую съёмочную площадку.

Освещение было тусклым, на неровном полу грязь и лужи, оставшиеся от предыдущей съёмочной группы, преломляли разноцветный свет. Цао Е и Лян Сычжэ стояли спина к спине, Лян Сычжэ был обнажён по пояс. Волосы длиной до плеч, завязанные на затылке, кончиками касались затылка Цао Е, вызывая лёгкий зуд.

Неподалёку, из-за камеры, Цао Сююань сказал:

— Снимай и штаны тоже.

Видимо, он говорил это им обоим, но Цао Е не двигался. Лян Сычжэ наклонился, снял штаны и взял их в руки.

— Не держи их в руках, — снова сказал Цао Сююань.

Все, кто стоял за спиной режиссёра, смотрели на них, но никто не подошёл, чтобы взять штаны у Лян Сычжэ. «Я помогу», хотел сказать Цао Е, но Лян Сычжэ бросил штаны на пол неподалёку. Послышался мягкий удар и всплеск. «Теперь они в грязи», — подумал Цао Е. Яркая вспышка фотоаппарата осветила их обоих. Кажется, с этого всё и началось. Нет, всё началось ещё раньше.

[3] Влюблённые-бабочки. Легенда о Лян Шанбо (梁山伯) и Чжу Интай (祝英台) — одна из четырёх великих легенд китайского фольклора. Её передавали из уст в уста. Название часто сокращается до «Лянчжу» — соединённых фамилий главных героев, китайских Ромео и Джульетты. Легенда отсылает нас ко временам династии Западная Цзинь.

Название фильма «Сны о любви и судьбе» связано с названием этой легенды о бабочках-влюблённых.

Чжу Интай — прекрасная и образованная девушка, девятый ребёнок и единственная дочь в семье состоятельного семейства Чжу из Шаньюя. Несмотря на то, что в то время женщины обычно не посещали школы, Интай убедила отца отправить её учиться переодетой юношей. Во

время пути в Ханчжоуона повстречала Лян Шаньбо, книжника из Куайцзи (Шаосина). Они разговорились и почувствовали духовное родство. Взяв землю и благовония, они принесли клятву братства на крутом мосту и три следующих года учились вместе. Чжу влюбилась в Ляна. Хотя Шаньбо был так же умён, как Интай, он не заметил, что она женщина.

Однажды Чжу Интай получила письмо от отца, в котором он просил её вернуться домой как можно скорее. Интай спешно собралась, хотя в сердце она уже призналась Шаньбо в чувствах и поклялась в вечной верности. Перед отъездом она открылась жене владельца школы и попросила передать её возлюбленному Ляну нефритовую подвеску в качестве подарка — знака их обручения.

Лян Шаньбо же следовал за «названным братом» 18 ли. По дороге Интай всячески намекала Ляну, что она женщина. К примеру, сравнивала себя и Ляна с парой уточек-мандаринок, символом влюблённых. Однако Шаньбо ничего не понял. Тогда, прощаясь с ним «собрат» просит юношу навестить дом Чжу, чтобы познакомиться с «его сестрой».

Несколько месяцев спустя Лян приехал в гости к Чжу и обнаружил, что его названный брат — женщина. Он тоже влюбился, и они дали клятву друг другу в вечной верности. Однако их счастье разрушили родители Интай, которые присмотрели ей богатого жениха — Ма Вэньцая. Новость о свадьбе любимой разбила Шаньбо сердце: он заболел и умер

В день свадьбы Ма и Чжу путь свадебной процессии пролегал неподалёку от могилы Лян и волшебный вихрь остановил Интай, не давая идти дальше. Интай в слезах бросилась на могилу возлюбленного, прося забрать её. Внезапно раздались раскаты грома, могила разверзлась, и Чжу без колебаний прыгнула в неё, чтобы соединиться с возлюбленным. Их души воплотились в бабочек и улетели прочь.

<http://bllate.org/book/12811/1130214>